

Социология

УДК 316.754.4(045)

С.Ю. Демиденко

ВОПРОСЫ ЭТИКИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОЦИОЛОГА В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ЦЕННОСТНЫХ ПОЗИЦИЙ (на примере отношения к СВО)

Ставятся вопросы о том, как социологу остаться ученым в условиях противоречия социальной и профессиональной ценностных систем. Для примера берется ситуация начала специальной военной операции на Украине, которая может служить маркером отношения социологов к происходящим событиям. Предполагается, что социолог, будучи исследователем общественных процессов, должен изучать и интерпретировать результаты, стараясь быть объективным по отношению к объекту изучения. Однако насколько это возможно? Ведь помимо роли профессионала, каждый имеет собственную личностную политическую позицию, является членом того или иного сообщества и может представлять его интересы. В политических заявлениях социолог оказывается не в поле науки, а именно в политике. Однако в науке исследователь должен максимально обуздать в себе «социальные страсти», не нарушать научную этику, не разрушая этим саму науку. Таким образом, речь идет о соблюдении принципов классической эпистемологии. Найти универсальный принцип решения указанного противоречия сложно при увеличении субъектности в научном познании в последнее время, но возможно при соблюдении научных правил: предъявлять не только результат, но и метод, процедуру получения научного результата; формулировать выводы так, чтобы они поддавались верификации. Ответственность социолога состоит, прежде всего, в том, чтобы контролировать влияние собственной ценностной позиции на анализ социальной реальности.

Ключевые слова: научная этика, профессия социолог, ценности, мировоззрение, научный метод, ответственность.

DOI: 10.35634/S013216250028531-7

Ссылка на статью:

Демиденко С.Ю. Вопросы этики и ответственности социолога в контексте противоречия ценностных позиций (на примере отношения к СВО) // Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2023. Т. 7, вып. 4. С. 425–434. <https://doi.org/10.31857/S013216250028531-7>

Введение

События с начала специальной военной операции (СВО) изменили многое в геополитическом масштабе, ярко выразив противоречия между странами коллективного Запада и Россией, которые давно назревали. Военный конфликт отразился не только на изменении экономической и внешнеполитической ситуации, предвзявляя формирование нового миропорядка, но и поставил граждан страны в ситуацию выбора и самоопределения. Данные исследований весны 2022 г. демонстрируют то, что доля россиян, так или иначе одобряющих решение руководства страны о проведении СВО, более, чем вдвое, превышает долю группы, выступающей против этого решения (47 % против 21 %)¹. Однако доля противников в столичных мегаполисах значительно выше. В 2023 г. восприятие населением военного конфликта с Украиной изменилось, увеличилось число сторонников поддержки проводимой операции. Хотя ряд специалистов выражает сомнения в достоверности высокого (более 70 %) уровня поддержки СВО, выявляемого в массовых опросах россиян (см., подробнее: [2]), все же растерянность первых месяцев сменилась большей консолидацией общества.

Ситуация с СВО обострила существующее противоречие в обществе, которое проявилось еще в 2014 г. Вопрос-маркер «Чей Крым?» разделил население на две условные группы «патриотов» («крымнаш») и «прозападников», конечно, без учета воздержавшихся и не интересующихся темой. И хотя это деление очень условно, подобные группы выявляются исследователями. Упомянутый выше

¹ Данные опроса Института социологии ФНИСЦ РАН, проведенного в марте 2022 г. по общероссийской выборке (N = 2000), репрезентирующей население страны по региону проживания, а внутри него – по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения. Речь идет о массовых слоях населения, без учета элитных и субэлитных групп или люмпенизированных слоев населения (бомжей, заключенных и т.п.). (см. подробнее [1, с. 26])

опрос марта 2022 г. продемонстрировал эти разновекторные позиции: 54 % убеждены в самобытном векторе развития страны и 19 % – сторонники сближения с западными странами и ориентации на их пример в будущем [1]. Соответственно, первая группа одобряет проведение СВО и считает, что ее нельзя было избежать, вторая группа – яркие противники операции. При этом среди твердых противников СВО преобладала молодежь, среди ядра сторонников – россияне старше 45 лет [3].

Надо отметить, что определение собственной идентичности через противопоставление Западу фиксировалось еще в совместных британско-российских исследованиях молодежи конца 1990-х годов [4]. Тогда изучались восприятие и сопротивление образам Запада российской молодежью, которая уже рассматривала связь России и Запада как однонаправленную, с отсутствием обратной включенности. Авторы исследования отмечали отсутствие в то время сформированного национального самосознания, однако, сам запрос на него существовал и проявлялся, в том числе через отношение к Америке как к сильному государству, способному экстраполировать свои ценности и продукты, вызывать у своих граждан сильные патриотические чувства и гордость, обладающему сильной государственной властью [4, с. 111]. Ключевой идеей книги стало выделение двух культурных стратегий – «нормальной» и «продвинутой», которые выражали общую мировоззренческую позицию, влияли на противоречивое отношение к западным странам. Приверженцы первой – «продвинутые» – в большей степени были вовлечены в потребление западных продуктов (музыка, стиль и др.), ориентировались на личностный рост и внешний мир, участвовали в различных субкультурах и тусовках, тогда как представители второй – «нормальные» – принимали групповые нормы, локализацию и старались «не выделяться».

Подобные группы выявлялись в дальнейшем и в других исследованиях. Так, Н.Е. Тихонова, опираясь на данные общероссийского опроса 2022 г. ИС ФНИСЦ РАН, показала специфику мировоззрения последовательных сторонников прозападного курса развития России (7 %), в сравнении с последовательными противниками данного курса (54 %) и занимающими промежуточную позицию россиянами [5]. Как и в исследовании о молодежи, были выявлены ключевые различия групп – индивидуалистические или коллективистские ориентации. В первом случае – ориентация на индивидуальные интересы (включая готовность взять ответственность за свою судьбу), во втором – установка на приоритет интересов общности, народа, выразителем которых должно выступать государство (ожидание поддержки государства) [5, с. 31]. Представителей первой группы можно встретить среди участников более «сильных» социальных групп – наиболее образованных, выросших в высокообразованных семьях, имеющих доступ к широким рынкам труда, обладающих более высокими доходами. Они есть также среди молодежи, приоритеты и образ жизни которой определяются процессами глобализации. Однако доля ее членов составляет меньшинство (исключая молодежь крупных городов, имеющих наиболее престижные виды высшего образования и происходящих из родительских семей с высшим образованием). Представители же второй группы характерны для всех массовых социальных групп.

Так или иначе, противостояние этих двух мировоззренческих традиций существует в общественной жизни давно – как минимум два столетия с периодами ослабления и усиления. Подобные группы «западников» и «славянофилов» можно выделять и среди научных элит. В этом отношении социологи являются частью общества и также могут принадлежать к разным группам. Косвенно об этом соотношении в сообществе социологов можно судить по исследованию М.М. Соколова [6]. Анализируя локальные академические сообщества Петербурга (на выборке N=622 социолога), он выделяет три группы: Вест-Сайд и Ист-Сайд, а также переходную зону. Соответственно, полученное соотношение групп – в 18,8, 62,8 и 18,4 % так или иначе определяется различными институциями типа Европейского университета, НИУ «Высшей школы экономики» и др., отдающих предпочтение социологам с более либеральными взглядами (группа Вест-Сайд), СПбГУ локализует исследователей группы Ист-Сайд, тогда как переходная зона оказывается представлена в основном Социологическим институтом РАН.

Несмотря на то, что с момента исследования прошло 10 лет, теоретически такого рода группы, с доминированием тех или иных исследовательских и образовательных организаций, можно было бы выделить и в настоящее время. Можно сделать предположение, что в каждой из этих групп отношение к происходящему военному конфликту, с опорой, прежде всего, на мировоззренческие основания, будет существенным образом отличаться. В этой связи целесообразно определение основных этических проблем, возникающих в условиях противоречия социальной и профессиональной ценностных систем, постановка вопроса о моральной ответственности социолога.

Научный этос и этические нормы

В последние годы этические вопросы активно обсуждались. В частности, в процессе разработки профессионального стандарта социолога, принятого в 2021 г.², при обсуждении вопросов нарушения публикационной этики [7], и в меньшей степени – при прояснении моральной ответственности обществоведов. Одна из попыток актуализировать эту тему выразилась в проведении «круглого стола» журналом «Социологические исследования» [8]. Вопросы этики и ответственности социолога регулярно поднимались в научном сообществе при возникновении разного рода кризисных ситуаций. Не менее актуальны они и сегодня.

Одним из первых разработчиков этоса науки стал Р. Мертон в работе «Нормативная структура науки» [9], первоначально опубликованной под названием «Наука и техника при демократическом строе» (1942), определивший его как комплекс норм и ценностей, разделяемых всеми учеными. Это, прежде всего, – определенные воспроизводящиеся правила в рамках науки как социального института. Именно совокупность норм, действующих в научном сообществе и регулирующих научную деятельность, является основным механизмом функционирования науки, а стремление ученых к профессиональному признанию обеспечивает воспроизводство этого механизма. Выдвинутые Мертоном императивы – *универсализм* (оценка истинности научных суждений независимо от пола, расы, возраста и т.д.), *коллективизм* (всеобщность доступа к полученным научным знаниям), *незаинтересованность* (бескорыстность поиска истины), *организованный скептицизм* (ответственность за беспристрастность оценки получаемых научных знаний) – не раз становились объектом критики и полемики (см., напр.: [10; 11]); в 1952 г. Б. Барбер в своей книге «Наука и социальный порядок» добавил еще два императива – *веру в моральную добродетель рациональности и эмоциональную нейтральность*. Позднее Мертон в 1960-е годы пришел к выводу о том, что деятельность ученого регулируется не только нормами, но и контрнормами (антинормами). Его идея *социологической амбивалентности* раскрывает реальные проблемы профессиональной деятельности ученых, которые постоянно находятся в ситуации выбора между зачастую полярными императивами предписываемого поведения.

Ситуация противоречия особенно проявляется в среде социологов, когда, будучи исследователем общественных процессов, следует изучать и интерпретировать результаты, сохраняя объективность по отношению к самому объекту изучения. Идеи Мертона основывались, прежде всего, на рациональности научной этики. Но как обуздать «социальные страсти», когда социолог сам оказывается вовлечен в социальные процессы, является их частью и может на них воздействовать? «Считая традиции науки предельно устойчивыми, Мертон не рассматривал правила научной деятельности как результат деятельности вполне определенных людей, принимая в расчет только влияние правил на людей и не учитывая обратного воздействия» [10, с. 19].

Таким образом, этос науки – это, скорее, некая идеальная модель (идеальный тип), к которой нужно стремиться, но использовать которую не всегда возможно. Поэтому вырабатываются этические нормативы, более гибкие, учитывающие культурно-исторический контекст и не остающиеся постоянными. Т. Кун, полагал, что: 1) нормы регулируют не только социальное, но и «содержательное» поведение ученых; 2) нормы не постоянны, а подвержены изменениям, и у каждой парадигмы они могут быть свои. Идея Мертона, приобретая свой жизненный цикл (см., напр.: [11]), свидетельствует о том, что на протяжении длительного времени ведутся споры как о самом этосе науки, так и об этических нормах, включая неоднократные попытки эмпирической проверки их изменений.

В предлагаемой статье в качестве инструмента анализа выбран метод социологической рефлексии с целью обнаружения ряда проблем, в первую очередь, в отношении этических норм социолога в период кризисной социальной реальности, когда собственная ценностная система может влиять на объективность представленных данных.

Беспристрастность: возможно ли это в социологии?

Развитие событий с начала СВО побуждало определиться с собственной позицией, с отношением к происходящему гражданам страны в целом, включая и ученых-социологов. Формально уже названные три группы сторонников, противников и нейтралов можно экстраполировать и на социологов, с последующими социально значимыми спецификациями и детализациями, если их предьявляет прак-

² Утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 21 октября 2021 г. № 751н.

тика. Часть социологов, осуждающих позицию РФ в военном конфликте, покинула страну в разном статусе, став эмигрантами и релокантами, и открыто высказывалась в различных СМИ и социальных сетях. Часть воздержалась от публичного обозначения позиции, включая скрывающих ставшее неодобряемым в российском пространстве мнение, в соответствии с моделью поведения «спираль молчания» Э. Ноэль-Нойман.

Разумеется, что в правовом, демократически ориентированном государстве, каждый человек имеет право на собственное мнение. Но вправе ли выражать его социолог в статусе не гражданина, а ученого? В случае выбора исследовательской позиции, реализуя экспертную функцию, социолог обязан транслировать позицию науки, руководствуясь принципами объективности. По мнению П. Штомпки, есть три доминирующих нормы, которых должен придерживаться ученый – объективность; оригинальность как предъявление научной новизны; и релевантность как соответствие искомого найденному, – согласуемые с четырьмя императивами этического кодекса науки Р. Мертона. Однако если вопросов к предложению норм оригинальности и релевантности не возникает, то с нормативизацией объективности в социологии единства мнений не существует. Формулировки вопросов, построение программы и инструментария исследования, собственно выбор методологии – могут обнаруживать субъективные предпочтения в отношении исследователя к происходящему. Например, в телефонном опросе предусмотрен вопрос: «*Станете ли вы беседовать с этим человеком о ситуации в Украине или не обратите на это внимания?*» Казалось бы, ничего особенного. Но в формулировке вопроса используется предлог «в» вместо нормативного для русскоязычной традиции предлога «на», рекомендуемого для применения Институтом русского языка РАН. И, если до 2014 г. использование предлога «в» было проявлением уважения к независимости Украины и ее гражданам, то в последние годы, особенно после начала СВО, использование предлога «в» стало излишне политизированным, маркером позиции противников СВО, оказывающим воздействие и на респондентов.

Беспристрастность позиции – это то, к чему должен стремиться социолог при проведении исследования и анализе данных. Однако если в получаемых редакцией текстах статей преобладают оценочные суждения, речи об объективности и норме эмоциональной нейтральности уже не идет. Замысел исследования и его интерпретация также могут зависеть от ценностной позиции социолога. Возможно ли в этом случае оставаться на этих нейтральной позиции? Возможна ли она вообще? Ведь выбор фокуса исследовательского интереса также во многом субъективен и определяем целым рядом параметров: от степени приверженности отрефлексированным ценностным ориентациям, до конъюнктурного соглашательства с интересами заказчика проводимого исследования.

В докладе М. Вебера «Наука как призвание и профессия», прочитанном студентам Мюнхенского университета в 1918 г., были подняты значимые для европейского осознания этические проблемы, во многом не утратившие и современного звучания. Вебер противопоставляет «страсть ученых» как служение делу «страсти романтиков», озабоченных обеспечением публичности своих уникальных внутренних переживаний. Материалы недавно вышедшей монографии Л.Г. Ионина «Драма жизни Макса Вебера» [12] свидетельствуют о неуверенности Вебера в том, что в науке он находится «на своем месте». Несмотря на то, что он использовал свои научные идеи в публичных выступлениях перед широкой аудиторией, Ионин утверждает, что Вебер, скорее всего, хотел стать политиком, чем ученым. Об этом свидетельствуют его постоянные попытки заниматься публичной политической деятельностью. Однако «политика его не приняла» [12, с. 338]. В рецензии на монографию Н.Н. Зарубина высказывает предположение о возможной правоте Ионина в том, что ценностная рациональность Вебера одерживала верх над целерациональными расчетами практического толка, которые так необходимы в реальной политике [13]. Однако был ли он беспристрастен? При сравнении этики ответственности политика и ученого, становится очевидно, что политик видит происходящее в мире также и как результат его собственных поступков. Ученый-исследователь скорее не актер, а наблюдатель мира, описывающий и интерпретирующий действительность на основе полученных исследовательских результатов. Рациональное познание предполагает свободу от воздействия субъективных предпочтений исследователя. Но возможно ли это в науке социологии? Этот вопрос активно обсуждается в последние годы при анализе онтологических оснований социологической науки.

Позиция молчания

События 24 февраля 2022 г. сказались на психоэмоциональном состоянии россиян в целом. Так, по данным Института социологии ФНИСЦ РАН, доля россиян, испытывающих тревогу, увеличилась

с 28 % в 2021 г. до 51 % весной 2022 г. Также уменьшилась доля испытывающих спокойствие и уравновешенность – с 43 до 24 % %, соответственно [14, с. 52]. Они оказали воздействие и на ученых-социологов. В этой связи представляется небезынтесным посмотреть на научный продукт социологов – научные исследования и публикации, представленные в журнале «Социологические исследования» (СоцИс). Весной и в начале лета 2022 г. количество поступающих материалов несколько снизилось. Многие авторы избегали писать, жалуясь на апатию и невозможность работать в прежнем режиме вследствие сильнейшего стресса и постоянного отслеживания ситуации. Либо считали, что в такой непростой период лучшее слово – молчание. Это было свойственно группам как поддерживающим, так и отрицающим СВО. Сопереживание и трагичность событий осознавалась обеими сторонами, однако, причины молчания были разными. К осени 2022 г. стала очевидна уже некоторая стабилизация, свидетельствующая также и о привыкании к конфликту. На рассмотрение стали поступать научные статьи, посвященные анализу общественного мнения россиян по поводу СВО и путей дальнейшего развития [1; 3].

В целом, за 2022 г. в СоцИсе вышло только четыре статьи в рубрике политической социологии. Ни в одной из них еще не рассматривался военный конфликт. Одна статья была опубликована по военной социологии с представлением архивных данных опросов 1989–1981 гг. в армии (В.И. Образцов, Социс, 2022, № 11). В 2023 г. было также опубликовано четыре статьи по политической социологии. Однако только одну можно отнести к анализу тематики СВО [15]. Остальные были сфокусированы на ситуации в Казахстане. Достаточно редко заполняемая рубрика по военной социологии также осталась без материалов в 2023 г., но была опубликована статья-рецензия на учебник У. Дж. Скотта и др. «Военная социология. Вводный курс» (2022) и монографию С. Малешевича «Почему люди воюют. Социальная динамика насилия на уровне межличностных взаимодействий» (2022), на основе которых анализировались место и роль войны в предметной области социологии [16]. Здесь речь идет об опубликованных материалах, однако, и в отклоненных рукописях тематика анализа отношения к СВО и других сопрягаемых аспектов представлены не были.

Анализ опубликованных материалов в журнале «Мир России» за 2022 и 2023 гг. также показывает отсутствие статей по анализу ситуации вокруг российско-украинского конфликта. Отчасти близкой к теме противостояния западной и пророссийской позиций можно отнести статью Н.Е. Тихоновой, где производится анализ поведения членов групп с разными мировоззренческими основаниями [5].

Разумеется, важно понимать, что для проведения научных исследований необходимы финансовые, временные, кадровые и иные ресурсы, обеспечивающие подготовку научных публикаций. В журналах все еще наблюдается размещение статей по пандемийной проблематике, подготовленных по результатам исследований того периода. Хотя очевидно, что события 2023 г. существенно снизили ее актуальность. Проведение исследований, обработка и подготовка статей занимают значительное время. Также важно учитывать, что в высокорейтинговых социологических журналах с момента поступления статьи до ее выхода в печать может пройти от полугода до полутора лет и больше, поэтому статьи по актуальной проблематике публикуются с некоторой задержкой. Тем не менее, определенное молчание в пространстве научной периодики в социологических журналах по теме военного конфликта очевидно. Это может быть связано не только с тем, что социологи не реагировали на тему, но и с позицией самих журналов, самосохранительно избегавших такого рода публикаций. К формированию редакционного портфеля СоцИса это не имеет отношения, однако, по свидетельствам авторов, в некоторых журналах статьи по тематике СВО к публикации временно не принимались.

И все же, было бы не правомерно говорить об однозначной позиции молчания социологов. В программах ряда конференции заявлялись доклады по анализу опросов общественного мнения, методических проблем. Например, такой, как участвовавшие не ответы на вопросы, связанные с СВО. В журнале СоцИс также прослеживается возрастающая динамика публикаций в рубрике «Методология и методы социологических исследований»: в 2022 г. – пять, в 2023 г. – десять. Также существенно увеличилось поступление статей от социологов по демографии (одиннадцать статей в 2023 г. против четырех в 2021 г.). В целом, переход на ценностно-нейтральные темы может косвенно свидетельствовать как о попытке избежать влияния ценностных оценок на анализ данных с научных позиций, так и о самосохранительном поведении в публичном пространстве профессиональной социологии.

Давление на социологов

Если взять списки международных научных советов российских социологических журналов, не сложно увидеть ряд однонаправленных изменений. Уменьшается число представителей западных

университетов. Ряд членов покинули редакционные советы, возможно, под давлением организаций-работодателей. Причины указываются в том числе и политические, включая ссылки на авторитаризм и отсутствие демократии в России («*Надеюсь, что еще доживу до возрождения демократии в России*»). – *Пример из одного письма*). В этих условиях редакции стараются поддерживать контакты с авторами и социологами разных направлений и стран. Профессионалов по узким темам не так много, поэтому к рецензированию привлекаются социологи из других стран. Однако в последнее время возникают проблемы с такого рода взаимодействием. Контакты могут осуществляться только как личные, вне институционального формата. Социологи западных стран опасаются открыто проявлять свои позиции на фоне сообщений о давлении на них со стороны администраций и о случаях прямых угроз.

Другая ситуация – с прояснением относительного молчания российских университетов и профильных академических институтов. Происходит ли давление внутри них на социологов и преподавателей? Включается ли внутренняя цензура? И как это отражается на качестве научных исследований? Чем определяется выбор тематики и финансирования? Все это – открытые вопросы, требующие отдельного рассмотрения. Тем не менее, можно предположить, что при существовании коротких контрактов и непрозрачной системы прохождения конкурсов, преподаватель/социолог/научный сотрудник может испытывать чувство тревоги за свою дальнейшую судьбу в науке, в ряде случаев избирая позицию лояльности к организации и ее требованиям.

Публичность социологии

Еще один аспект проблемы, который следует осветить, связан с прояснением того, какое влияние могут оказывать опросы общественного мнения на сознание граждан. И хотя обычно социологи отделяют себя от полстеров, в сознании обычных людей – это неразрывное целое и одна из граней самой социологии.

В критической общественной ситуации возникает вопрос о том, можно ли озвучивать результаты опросов? Здесь следует понимать, что прямые социологические опросы о поддержке и об отношении к травмирующим событиям, например, к СВО, не отражают реальную картину мира. Они обнаруживают скорее установки, а не реальное поведение, с очевидной склонностью к конформизму. Озвучивание результатов опросов может воздействовать на граждан как своего рода «рейтинговый гипноз», когда конструируется некий нарратив, предписывающий социально одобряемые нормы поведения [3]. Эти проблемы поднимал еще П. Бурдьё в своем докладе «Общественного мнения не существует». Он, в частности, утверждал, что «фундаментальный эффект опросов общественного мнения – утвердить мысль о существовании единодушного общественного мнения. То есть, легитимировать определённую политику и закрепить отношения сил, на которых она основана или которые делают её возможной» [17]. В этом случае данные опросов в своем роде манипулируют общественным сознанием. Поэтому для ученого важно ориентироваться не только на опросные техники, но и включать другие методы, позволяющие глубже рассматривать проблему. Однако зачастую исследователи остаются в кругу «своих», особенно при проведении качественных интервью, не выходя за пределы видимой группы.

Актуализируется и другой вопрос: может ли ученый-социолог в своей деятельности легитимировать не только научную, но и общественную значимость своих исследований? И здесь уместно вспомнить давний спор о публичной социологии. В своем бестселлере «Социологическое воображение» Ч. Миллс рассматривал взаимосвязь между исследователем и обществом прежде всего под методологическим углом зрения. По мнению Г.С. Батыгина, написавшего предисловие к книге на русском языке, Чарльз Райт Миллс – один из первых, кто поставил вопрос о моральной ответственности обществоведа, бросив вызов академическому сообществу, [18, с. 3]. Миллс не принимал автономности научного знания и считал обществоведа ответственным за несовершенство социальных порядков. Описывая деятельность «двадцатичасового социолога», который адресует свои идеи скорее публике, чем коллегам. Он ставит цель научить людей жить и переустраивать мир на началах разума и справедливости. Признает, что эта одержимость мешает ему дистанцироваться от личных пристрастий и соблюдать дисциплинарные каноны науки. Однако при этом такой исследователь сохраняет веру в факт и объективность научного метода.

Эти методологические размышления о публичности социологии нашли свое продолжение в выступлениях и статьях Майкла Буравого (см., напр.: [19]), вызвавших в конце 2000-х гг. активную дискуссию в российском социологическом сообществе. Он отделяет «публичную социологию» от про-

фессиональной, прикладной и критической. Профессиональная социология занята изучением общественных проблем и обращается в первую очередь к академическому сообществу. Критическая социология направлена на критику методологии, методов социологических исследований и существующих интерпретаций. Прикладная социология, в свою очередь, существует для заказчика, на его деньги, в соответствии с чем он определяет исследовательские цели и является эксклюзивным владельцем полученных результатов. Публичная социология отличается от критической и профессиональной тем, что обращается к неакадемическому сообществу – к широкой общественности. Как и критическая, публичная социология занимается производством рефлексивного знания, осмыслением действительности ради общественного блага. Однако транслируя новое знание, необходимо предупреждать об ограничениях и процедурах получения данных, что зачастую не оговаривается даже в научных статьях.

В современных условиях с развитием различных цифровых площадок становится сложно находиться только в одном поле социологии. Социолог может выполнять заказ на прикладное исследование, но при этом оставаться академическим социологом. Ценностная социальная позиция высказывается на различных публичных площадках, в том числе и экспертных. Обозначенная оценка внутри академического сообщества может стать публичной, если используются записи и трансляции. Иногда социальные события обретают форму драматургического, квазитеатрального спектакля [20], когда, например, при передаче некоторых социально значимых смыслов доля символической составляющей оказывается чрезмерно велика. Безусловно, социолог является не только ученым, но и гражданином, и имеет право высказывать свою точку зрения, что не снимает вопроса о том, как это влияет на восприятие его научной деятельности. И может ли он оставаться при этом в рамках научного анализа? Такие вопросы приобретают очевидную актуальность сегодня, когда ученому сложно дистанцироваться от анализа текущих событий. П. Штомпка утверждал: «Общество лежит не вне нас самих, а внутри нас» [20]. Мы являемся носителями собственного социального опыта, который оказывает на нас влияние и как на ученых-обществоведов. И эта социальная экзистенция порой мешает быть беспристрастным аналитиком. Однако из этого не следует, что социолог не может анализировать социальную действительность. Для этого и существует научный метод, столь часто подвергающийся критике в эпоху постмодернизма.

* * *

Развитие социологии последних лет демонстрирует отход от идеалов классической науки, предполагая свои специфические формы существования научного знания [21, с. 12]. Однако идет ли это на пользу самой социологии? Не подрывает ли ориентация на множественность дискурсов и субъективную интерпретацию доверие к социологии как науке?

Социологи могут быть публичными и открытыми, неся научное знание в мир, популяризируя его, стараясь, однако, максимально объективировать описание социальных событий, использовать научные методы сбора информации, всесторонне рассматривать анализируемый процесс при постановке проблемы и интерпретации полученных результатов. Однако выступая в роли политического активиста, социолог-ученый может нарушать основные этические принципы науки, выбирая чью-то позицию, отстаивая чей-то интерес, влияя на сам общественный процесс. В случае социологии, переход на путь политического активиста может привести к утрате профессионального статуса социального ученого. Встроенность социолога в отношения с другими людьми происходит в нашем повседневном опыте, и это – центральный, социальный аспект нашего существования как людей. Не менее важен и нравственный аспект. Когда социолог востребован и сам это ощущает. Не как исследователь-ученый, а, прежде всего, как гражданин, ведь поиск истины – не единственная ценность, и она не обособлена от других ценностей. Находясь в кризисной ситуации, социальный ученый не может оставаться в «башне из слоновой кости».

Как и представители других профессий, социолог-исследователь является членом общества, носителем определенных ценностей этого общества. Но он еще и член профессионального сообщества, корпорации с ее специфической профессиональной ценностной системой, сфокусированной в императивах научного этоса. В кризисные моменты эти две ценностные системы, живущие в социологе как человеке и как исследователе, могут вступать в выраженное противоречие. Социолог имеет право на политическую позицию, но не всегда может выражать ее от лица социологии. При социологическом анализе обществоведы следуют подвергать рефлексии на предмет устранения влияния соб-

ственной личностной позиции не только полученные результаты, но и соответствие методологии (в том числе понятийного аппарата) и методов для решения поставленных целей. Не допускать необоснованных выводов, пользоваться процедурами верификации полученных данных, в том числе используя разные методы и данные. При проведении научного анализа важно быть отстраненным аналитиком, а не социальным активистом. Все это еще раз показывает сложность и неоднозначность проблемы ответственности ученого-социолога в кризисные периоды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сушко, П.Е. Представления россиян о путях развития России: распространенность и специфика / П. Е. Сушко // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 25-37. DOI: 10.31857/S013216250021403-6.
2. Звоновский, В. Б. Восприятие россиянами конфликта с Украиной: проверка гипотезы «спирали молчания» / В. Б. Звоновский, А. В. Ходыкин // Социологические исследования. 2023. № 11. С. 38-50.
3. Звоновский, В. Б. Отражение культурной власти геополитического нарратива в коллективных представлениях россиян о специальной военной операции / В. Б. Звоновский, А. В. Ходыкин // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 38-53. DOI 10.31857/S013216250021524-9.
4. Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры / Х. Пилкингтон, Е. Омельченко, М. Флинн, У. Блюдина, Е. Старкова / Пер. с англ. О. Оберемко, У. Блюдиной. СПб.: Алетейя, 2004. 278 с.
5. Тихонова, Н. Е. Специфика мировоззрения сторонников западного пути развития для России в массовых слоях населения / Н. Е. Тихонова // Мир России. 2023. № 4. С.6–35.
6. Соколов, М. М. Изучаем локальные академические сообщества / М. М. Соколов // Социологические исследования. 2012. № 6. С.76-82.
7. Кулешова, А. В. Особенности научной коммуникации в России (из опыта Совета по этике научных публикаций) / А. В. Кулешова // Научный редактор и издатель. 2018. 3(3–4). С. 129–133. DOI: 10.24069/2542- 0267-2018-3-4-129-133.
8. Девятко, И. Ф. Нравственность, мораль, этика: что происходит в теории и социальной практике? (круглый стол) / И. Ф. Девятко, И. В. Катерный, Т. Ю. Кирилина [и др.] // Социологические исследования. 2021. № 3. С. 28-43. DOI: 10.31857/S013216250014275-5.
9. Merton, R. K. The Normative Structure of Science // Merton R.K. The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations / Ed. by N.W. Storer. Chicago: University of Chicago Press, 1973 [1942], pp. 267 – 278.
10. Мирская, Е. З. Р.К. Мертон и этос классической науки / Е. З. Мирская // Философия науки. Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. М.: ИФ РАН, 2005. С. 11-27.
11. Демина, Н. В. Концепция этоса науки: Мертон и другие в поисках социальной геометрии норм / Н. В. Демина // Социологический журнал. 2005. № 4. С. 5-47.
12. Ионин, Л. Г. Драма жизни Макса Вебера. / Л. Г. Ионин. М.: ИД «Дело», 2022. 384 с.
13. Зарубина, Н. Н. Судьба ученого и судьбы науки на переломе эпох (о книге Л.Г. Ионина о М. Вебере) / Н. Н. Зарубина // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 159-166. DOI: 10.31857/S013216250021520-5.
14. Российское общество и вызовы времени. Кн. 6. / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2022. 284 с.
15. Суший, С. Я. Социологический мониторинг внешнеполитических ориентаций украинского общества (2000–2020-е гг.) / С. Я. Суший // Социологические исследования. 2023. № 6. С. 77-93. DOI: 10.31857/S013216250026381-2.
16. Образцов, И. В. Война в предметном поле современной зарубежной социологии / И. В. Образцов // Социологические исследования. 2023. № 5. С. 167-172. DOI: 10.31857/S013216250025809-2.
17. Бурдые, П. Социология политики / П. Бурдые, пер. с фр. Н. А. Шматко / Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. Москва: Socio-Logos, 1993. 336 с.
18. Батыгин, Г. С. Предисловие / Г. С. Батыгин // Миллс Ч.Р. Социологическое воображение / Пер. с англ. О.А. Оберемко. Под общей редакцией и с предисловием Г.С. Батыгина. М.: Издательский Дом NOTA BENE, 2001. 264 с.
19. Буровой, М. За публичную социологию / М. В. Буровой, пер. А. Балджи под научн. ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой // Общественная роль социологии / Под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ. 2008. С. 8-51.
20. Штомпка, П. В Фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии / П. В. Штомпка // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 3-13.
21. Ключарев, Г. А. Онтологическая проблематика в социологической интерпретации: к постановке вопроса / Г. А. Ключарев // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 5-16. DOI: 10.31857/S013216250017230-6.

Поступила в редакцию: 01.11.2023
 Передана на рецензирование 02.11.2023
 Рекомендована к печати 20.11.2023

Демиденко Светлана Юрьевна, научный сотрудник
Институт социологии ФНИСЦ РАН,
ответственный секретарь журнала «Социологические исследования»
117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5
E-mail: demidsu@yandex.ru

S. Yu. Demidenko

**ETHICS AND RESPONSIBILITY OF A SOCIOLOGIST IN THE CONTEXT OF CONTRADICTION
OF VALUE POSITIONS (on the example of attitude towards special military operation)**

DOI: 10.35634/S013216250028531-7

Issues are raised about how a sociologist can remain a scientist in conditions of contradiction between social and professional value systems. For example, the situation of the beginning of a special military operation in Ukraine is taken, which can serve as a marker of sociologists' attitude to the events taking place. It is assumed that a sociologist, being a researcher of social processes, should study and interpret the results, trying to be objective in relation to the object of study. However, how is this possible? After all, in addition to the role of a professional, everyone has their own personal position (political position), is a member of a particular community and can represent its interests. In political statements, any sociologist is not in the field of science, but in politics. However, in science, every researcher must curb "social passions" as much as possible, not violate scientific ethics proper, not destroy science itself, thus, we are talking about compliance with the principles of classical epistemology. It is difficult to find a universal principle for solving this contradiction, given the recent increase of subjectivity in scientific knowledge, but it is possible if scientific rules are observed: to present not only the result, but also the method, procedure for obtaining a scientific result; to formulate conclusions so that they can be verified. The sociologist's responsibility is, first of all, to control the influence of his/her own value position on the analysis of social reality.

Keywords: scientific ethics, sociologist profession, values, worldview, scientific method, scientific publications, responsibility.

REFERENCES

1. Sushko P.E. Predstavleniya rossiyan o putyax razvitiya Rossii: rasprostranennost' i specifika // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2022. № 11. S. 25-37. DOI: 10.31857/S013216250021403-6. (In Russ.).
2. Zvonovskij V.B., Xody'kin A.V. Vospriyatие rossiyanami konflikta s Ukrainoj: proverka gipotezy` «spirali molchaniya» // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2023. №11. S. 38-50. (In Russ.).
3. Zvonovskij V. B., Xody'kin A. V. Otrazhenie kul'turnoj vlasti geopoliticheskogo narrativa v kollektivny`x predstavleniyax rossiyan o special'noj voennoj operacii // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2022. № 11. S. 38-53. DOI 10.31857/S013216250021524-9. (In Russ.).
4. Glyadya na Zapad: Kul'turnaya globalizaciya i rossijskie molodezhny'e kul'tury` / X. Pilkington, E. Omel'chenko, M. Flinn, U. Blyudina, E. Starkova / Per. s angl. O. Oberemko, U. Blyudinoj. SPb.: Aletejya, 2004. 278 s. (In Russ.).
5. Tixonova N.E. Specifika mirovozzreniya storonnikov zapadnogo puti razvitiya dlya Rossii v massovy`x sloyax naseleniya // Mir Rossii. 2023. №4. S.6–35. (In Russ.).
6. Sokolov M.M. Izuchaem lokal'ny'e akademicheskie soobshhestva // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2012. №6. S.76—82. (In Russ.).
7. Kuleshova A. V. Osobennosti nauchnoj kommunikacii v Rossii (iz opy'ta Soveta po e'tike nauchny`x publikacij) // Nauchny`j redaktor i izdatel`. 2018;3(3–4):129–133. DOI: 10.24069/2542- 0267-2018-3-4-129-133. (In Russ.).
8. Devyatko I. F., Katerny`j I. V., Kirilina T. Yu., Perov V. Yu., Semenov E. V., Sokolov V. M., Cherny`sh M. F. Nравstvennost`, moral`, e'tika: chto proisxodit v teorii i social'noj praktike? (krugly`j stol) // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2021. № 3. S. 28-43. DOI: 10.31857/S013216250014275-5. (In Russ.).
9. Merton R.K. The Normative Structure of Science // Merton R.K. The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations / Ed. by N.W. Storer. Chicago: University of Chicago Press, 1973 [1942], pp. 267–278.
10. Mirskaya E.Z. R.K. Merton i e'tos klassicheskoj nauki // Filosofiya nauki. Vy`p. 11: E'tos nauki na rubezhe vekov. M.: IF RAN, 2005. C. 11-27. (In Russ.).
11. Demina N.V. Konceptiya e'tosa nauki: Merton i drugie v poiskax social'noj geometrii norm // Sotsiologicheskij zhurnal. 2005. № 4. S. S. 5-47. (In Russ.).
12. Ionin L.G. Drama zhizni Maksa Vebera. M.: ID «Delo», 2022. 384 s. (In Russ.).
13. Zarubina N.N. Sud`ba uchenogo i sud`by` nauki na perelome e`pox (o knige L.G. Ionina o M. Vebere) // Sociologicheskie issledovaniya. 2022. № 10. S. 159-166. DOI: 10.31857/S013216250021520-5. (In Russ.).

14. Rossijskoe obshhestvo i vy`zovy` vremeni. Kn. 6. / Pod red. M.K. Gorshkova, N.E. Tixonovoj. M.: Ves` Mir, 2022. 284 s. (In Russ.).
15. Sushhij S.Ya. Sociologicheskij monitoring vneshnepoliticheskix orientacij ukrainskogo obshhestva (2000–2020-e gg.) // Sociologicheskie issledovaniya. 2023. № 6. S. 77-93. DOI: 10.31857/S013216250026381-2. (In Russ.)
16. Obrazczov I. V. Vojna v predmetnom pole sovremennoj zarubezhnoj sociologii // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2023. № 5. S. 167-172. DOI: 10.31857/S013216250025809-2. (In Russ.).
17. Burd'e P. Sociologiya politiki: Per. s fr. N.A. Shmatko / Sost., obshh. red. i predisl. N.A. Shmatko. M.: Socio-Logos, 1993. 336 s. (In Russ.).
18. Baty`gin G.S. Predislovie // Mills Ch.R. Sociologicheskoe voobrazhenie / Per. s angl. O.A. Oberemko. Pod obshhej redakciej i s predisloviem G.S. Baty`gina. M.: Izdatel'skij Dom NOTA BENE, 2001. 264 s. (In Russ.).
19. Buravoj M. Za publichnuyu sociologiyu / Per. A. Baldzhi pod nauchn. red. P. Romanova i E. Yarskoj-Smirnovoj // Obshhestvennaya rol' sociologii / Pod red. P. Romanova i E. Yarskoj-Smirnovoj. M.: OOO «Variant», CzSPGI, 2008. S. 8-51. (In Russ.).
20. Shtompka P. V Fokuse vnimaniya povsednevnyaya zhizn`. Novy`j povorot v sociologii // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2009. №8. S. 3-13. (In Russ.).
21. Klyucharev G.A. Ontologicheskaya problematika v sociologicheskoy interpretacii: k postanovke voprosa // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2022. №1. S. 3-16. C. 5-16. DOI: 10.31857/S013216250017230-6. (In Russ.).

For citation:

Demidenko S.Yu. Ethics and responsibility of a sociologist in the context of contradiction of value positions (on the example of attitude towards special military operation) // Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations. 2023. Vol. 7, iss. 4. P. 425–434. <https://doi.org/10.31857/S013216250028531-7> (In Russ.).

Received November 01, 2023

Submitted for review on November 02, 2023

Recommended for publication November 20, 2023

Svetlana Yu. Demidenko, Researcher,
Institute of Sociology of FCTAS RAS;
Executive Secretary (editor), the journal "Sociological studies"
Krzhizhanovskogo st., 24/35, building 5, Moscow, Russia, 117218
E-mail: demidsu@yandex.ru